

А.С. Головачев.

Письмо бывшему командиру *

Головачев Александр Степанович — ветеран 5-й армии. В октябре 1941 г. старший лейтенант командир 5-й батареи 154 ГАП 32 КСД.

Дорогой Василий Кузьмич ¹, здравствуйте!

До глубины души тронут Вашим письмом. Какая радость получить письмо от командира полка, в котором я служил на Дальнем Востоке в с. Раздольном на должности командира 5-й батареи 2/154 ГАП ² 32 КСД и выехал на фронт Великой отечественной войны 1941 – 1945 гг. под Ленинград, а затем в район Бородинского поля, где принял первое "боевое крещение" - первый бой в Великой Отечественной войне 36 лет тому назад.

Большое Вам, Василий Кузьмич спасибо.

Этот бой запомнился мне в мельчайших подробностях на всю жизнь.

Дорогой Василий Кузьмич, Ваше письмо так взволновало меня, что я не находил себе места вот уже несколько дней. Вернувшись домой, я был в отъезде, получил Ваше письмо и поэтому так долго не отвечал, Вам. Необходимо было собраться с мыслями, все вспомнить. Ведь у меня никаких документов того времени нет.

Василий Кузьмич, я Вас в своей жизни часто вспоминал. Во всех биографиях, представляемых в различные учреждения, где я работал, я упоминал фамилию моего командира полка тов. Чевгус. Вот и в этом году меня попросили ко Дню Победы поделиться впечатлениями о Великой Отечественной войне на страницах нашей стенной газеты. Я написал эту заметку под названием "Первый бой" и Ваша фамилия упоминалась в этой статейке.

Василий Кузьмич! Хочу пояснить Вам почему я не вместе с Вами

* ГБВИМЗ. НВФ. Д.1130.

(154 ГАП 32 КСД) продолжал воевать, после Бородинского сражения?

С Дальнего Востока, это Вы помните, мы по ж. д. прибыли под Ленинград, разгрузились и по болотам продвинулись километров на 15, затем получили команду вернуться на станцию разгрузки и погрузиться в эшелон. После этого я Вас больше не видел, так как эшелоны отправлялись по мере их погрузки.

По пути следования по ж.д., тогда в неизвестном мне направлении, нам приходилось останавливаться и помогать железнодорожникам ремонтировать ж.д. пути, разбитые немецкой авиацией. На одной ж.д. станции нас пробомбила авиация противника, однако на ст. Можайск мы прибыли благополучно без потерь.

На рассвете 13 октября 1941 года мы разгрузились на ст. Можайск³ и я наблюдал в то время, как немецкая авиация бомбила окраины г. Можайск, но нас же обнаружила.

Колонна 2/154 ГАП тронулась в путь в район Бородинского поля и вошла в лесистую местность.

Здесь нас встретили представители тогдашнего Правительства, это были Молотов и Ворошилов. Они посоветовали нам двигаться по проселочным дорогам, чтобы не обнаружить себя авиацией противника. Мы их совет выполнили и старались маскироваться при появлении в небе авиации немцев.

Получив от командира дивизиона команду выехать на рекогносцировку ОП И НП в район Бородинского музея. Взяв нужных мне людей батареи, я прибыл на Бородинское поле, выбрал в указанном районе ОП, дал команду огневицам, до прихода орудий, вырубить кустарник и расчистить сектора обстрела орудий в направлении села Семеновское, приступить к оборудованию орудийных площадок, Сам же со взводууправленцами выехал к музею для выбора НП.

Недалеко от музея стояло большое дерево, на котором я занял НП. С этого дерева был большой обзор местности в сторону противника чем с земли.

Приказал разведчикам прикрепить стереотрубу в удобном месте дерева и организовал наблюдение. К этому времени батарея (орудия) заняли ОП. Они прибыли без потерь.

В этот же день 13 октября 1941 г., во второй половине, я дал первый залп по колонне немцев двигавшихся [по Можайскому шоссе] в направлении Валуево-Бородино.

По указанию к-ра дивизиона ст. лейтенанта Осиян сориентировал стереотрубу на НП 6 батареи 2/154 ГАП, для засечки целей с двух НП. НП к-ра 6 батареи ст. лейтенанта Лезговко находился на колокольне монастыря.

На второй день 14/X-41 года на мой НП прибыл начальник разведки дивизиона ст. лейт. Гнездилов и от имени командира дивизиона дал мне указание оставить на тополе 2-х разведчиков, а мне выбрать наблюдательный пункт юго-восточнее I км кургана батареи Раевского. НП к-ра дивизиона, затем был между новым моим НП и музеем, от моего НП метрах в 300-х.

После оборудования нового НП и установления связи с ОП 15-X-41 г. я ушел с дерева и занял новый НП. Два дня вел огонь с тополя по наблюдаемым и засекаемым с 2-х НП целям (передвижением колонн, скоплением мотопехоты в лесах и оврагах).

С нового НП видимость была только до рощи у села Семеновское и немного за ним. Огонь вел по координатам полученным от засечки целей с двух НП. На тополе были оставлены 2 разведчика со взводом управления моей батареи, которые вели наблюдение и давали отсчеты углов, а затем корректировали разрывы снарядов.

Мой НП был оборудован хорошо. Траншеи вырыты в рост человека зигзагообразно и особенно тщательно оборудованы пулеметные ячейки.

Огневые позиции располагались юго-восточнее кургана батареи Раевского в 2 – 2,5 км и имели хорошее наблюдение Бородинского поля до кустарника перед селом Семеновское.

15 октября 1941 г. я получил от командира дивизиона команду вывести

орудия на прямую наводку для уничтожения мех. колонны противника, двигавшейся в направлении Шевардино– Псареве, обходя село Семеновское слева, если смотреть с моего НП. Это примерно в I км юго-западнее ОП моей батареи.

Орудия были установлены перпендикулярно проселочной дороге, на которой ожидалось появление колонны противника. Дорога проходила в лощине болотистой местности, а перед входом в лес был ветхий мостик.

Когда немецкая колонна втянулась в эту лощину, и передние машины остановились у мостика, наши орудия ударили по головной и задней машинам и начали громить эту колонну фашистов так, что машины пылали ярким пламенем, на машинах рвались от огня боеприпасы. Гитлеровцы-солдаты, уцелевшие от нашего огня, удирали в панике в лес, не выстрелив ни разу в сторону наших орудий.

В этой засаде наша артиллерия уничтожила 6 танков, 18 автомашин, тягачей и много живой силы фашистов. В этот же день орудия моей батареи без потерь возвратились на основную ОП.

В этой операции отличились: командир орудия ст. сержант Дыбань, Решетников и другие.

Числа, вероятно, 16-Х-41 г. в первой половине дня наша пехота отходила из рощи, что перед селом [деревней] Семеновское через мои боевые порядки (НП и ОП). Выясняя в чем дело, я узнал от пехотинцев что село [деревню] Семеновское заняли танки противника и накапливаются в роще. Из этой рощи действительно был слышен гул моторов и лязганье гусениц. Я доложил на НП дивизиона и получил команду вести огонь по скоплению немцев в роще.

Начальник штаба артиллерии дивизии, кажется, капитан Караванов дал мне команду быть готовым к отражению атаки танков с села [деревни] Семеновское, а также руководить стрельбой по танкам выкатанными от музея орудиями с жесткими противооткатными приспособлениями.

Расчеты этих орудий были укомплектованы не знакомыми мне солдатами. Когда я спросил у них: умеют ли они обращаться с этой матчастью, то они ответили, что нет, не умеют, но один из них сержант сказал, что умеет и научит остальных.

После боя я был у этих орудий, нашел расчеты в окопах невредимыми. Танки немцев их не атаковали. Возможно, они их не заметили, так как орудия находились в кустарнике, были замаскированы ветками и не стреляли.

Василий Кузьмич, 17/X-41 г. на мой наблюдательный пункт по полю от кустарника, что перед селом [деревней] Семеновское, двигалось много танков с десантами автоматчиков на броне и мотоциклистов. Вся эта "бронированная кавалькада" из всех видов оружия вела огонь по моему наблюдательному пункту. И рошица в районе пункта была буквально срезана разрывными пулями.

Я дал команду огневикам открыть огонь по танкам. От огня моих орудий на левом фланге от нас загорелся танк. Затем остановился еще один подбитый. Огневики продолжали вести огонь.

У меня на НП имелись два ручных пулемета (Дегтярева) и у личного состава винтовки и ручные гранаты. Когда немецкие танки достигли 150-100 метров до моего НП, мы открыли огонь из двух пулеметов и винтовок по десантникам на танках. От нашего огня гитлеровцы валялись на землю, а от попадания пуль в бензобаки мотоциклов они вспыхивали как факелы. Однако танков и мотопехоты было так много, что танки продолжали, двигаться, несмотря на потери, на мой НП, а за ними перебежками уцелевшая пехота ⁴.

Когда танки приблизились к нам на расстояние 15 – 20 метров я подал команду огневикам открыть огонь по моему НП, но связист сообщим, что связь не работает. Тогда я дал команду пулеметчикам продолжать вести огонь по пехоте, а всему личному составу НП, вооруженному винтовками открыть прицельный огонь по смотровым щелям танков и забрасывать пехоту гранатами.

Первый пулеметчик Курбан-Галиев (как будто так его фамилия) находился в моем окопе и по моему указанию целей вел огонь по пехоте, второй пулеметчик метрах в 10-ти от меня в другом окопе в разгаре боя вдруг прекратил стрельбу. Я закричал, почему он прекратил огонь, но ответа не последовало. Когда я вскочил в его окоп, то увидел, что он ранен. Я взял его пулемет и перескочил в свой окоп и открыл огонь.

В шедший впереди с открытым люком танк один из бойцов батареи, став на колени, сказал: «Тов. комбат, смотрите, как я закатаю фрицу в лоб», — и выстрелил. Танк захлопнул люк, круто развернулся и пошел в левую сторону от нашего пункта, а за ним и другие.

По неприкрытой танками пехоте мы продолжали вести прицельный огонь и уничтожили много фашистов. Впереди пункта и далее поле было усеяно трупами фашистов. Один немец было, кинулся к нашему окопу, но я из своего "ТТ" срезал его ж, он рухнул у самого бруствера, и я завладел его автоматом. С этим автоматом я был потом в штабе дивизии, с ним и вышел из окружения.

На левом фланге нашего НП немцы наседали на группу бойцов взвода управления батареи во главе с лейтенантом (командиром взвода управления нашей батареи) Петром Солод. Немцы забрасывали их ручными гранатами и вели огонь из автоматов. Лейтенант Солод героически отражал нападения, и умело организовал оборону левого фланга нашего НП. Попадавшие в его окоп немецкие гранаты он успевал их выбрасывать обратно, поражая немцев их же гранатами. Лейтенант Солод выбросил обратно три гранаты, однако, 4-й был убит.

Отважно и смело отражали атаки немцев и другие солдаты моей батареи, находящиеся на НП. Особенно смело и со злым юмором вел огонь по цепям танков и пехоты командир топовзвода. ст. лейтенант не помню его фамилию. Когда в наш окоп влетел снаряд, выпущенный немецким танком, то он крикнул шутливо: "Ложись, а то некому будет бить немцев". Правда, этот

снаряд (30 или больше мм.), вероятно, был бронебойным, к нашему счастью не разорвался. В общем, дрались дальневосточники храбро и смело. Ни один не дрогнул. Морально-политический уровень их был высок и устойчив.

Пулеметчик Курбан-Галиев, находившийся в окопе рядом со мной, по моей команде до конца боя продолжал вести прицельный огонь и уничтожил много немцев.

Через мой наблюдательный пункт немцы не прошли. Они нашли где-то брешь на левом фланге от моего НП и повернули туда.

В этом бою погибло 7 человек из взвода управления моей батареи и двое тяжело ранено. Командир радиоотделения ст. сержант тов. Нестеров получил сквозное пулевое ранение в живот. Другого, фамилию не помню, это был второй пулеметчик, которому гранатой оторвало правую руку.

Перед НП к-ра дивизиона, где было много пехотных командиров (это 300 м правее моего НП), перед атакой на нас танков, один предприимчивый пехотный офицер, разбросал оцинкованные ящики от патронов, и это надежно защитило их от атаки танков. Танки, подойдя к этим «минам» останавливались, обстреливали пункт, но дальше не шли. Они также свернули влево и ушли за теми танками, в один из которых в открытый люк выстрелил мой боец.

После я узнал, что на КП к-ра дивизиона погиб комиссар 2-го (нашего) дивизиона политрук Белых (как будто такая его фамилия).

Недалеко от НП к-ра дивизиона за кустиками была разбита радиостанция на конной упряжке. Лошади были расстреляны, одна еще билась в конвульсиях. Я ее тогда пристрелил, чтобы не мучилась. |

По моим данным в этом бою огнем моей батареи было подбито и сожжено 5 танков; пулеметным, винтовочным огнем, гранатами и снарядами уничтожено 12 мотоциклов и много гитлеровцев.

Всего в сражении на Бородино за 5 дней уничтожено нашей батареей 11 танков, 18 автомашин с боеприпасами, 12 мотоциклов и до двухсот фашистов.

Все эти 5 дней мы вели непрерывный огонь днем и ночью по немцам на марше, по колоннам, по скоплениям в населенных пунктах, лесах, оврагах, в засаде и открытом бою с танками и пехотой. За это время были израсходованы почти все снаряды. А их было 3 б. к. [бое комплекта] на каждое орудие. $80 \times 3 \times 4 = 960$ штук или около 21 тонны.

Когда немцы ушли от моего НП, я выяснил результаты боя. Похоронил убитых, уложил раненых на плащпалатки и с уцелевшим составом взвода управления направился на НП 2/154 ГАП и нач. арт. дивизии. В это время горели еще скирды клевера, подожженные танками немцев, правее от пути нашего следования.

По прибытии в расположение НП к-ра дивизиона я доложил командованию результаты боя и наши потери. Получив указание пойти в расположение ОП и выяснить обстановку я взял одного связиста добровольно изъявившего желание пойти со мной и отправился на огневые позиции своей батареи. Прибыв на ОП, я увидел страшную картину: у одного орудия было разбито снарядом противооткатное приспособление, ствол сполз на землю, второму орудию снаряд попал прямо в ствол, и он был разорван, у третьего разбито прицельное приспособление и колесо, четвертая гаубица была в ремонте и с нашим эшелоном в район Бородино не прибыла.

На огневых позициях я никого не застал. Расчеты, вероятно, отошли после боя. Не было там убитых и раненых. Снаряды были все израсходованы.

Тракторы в укрытии были целы, только с них были сняты пусковые приспособления (магнето). Кухня и повозки с имуществом разбиты и разграблены. Нашел я свой чемодан, из которого взяты теплые вещи, а остальное разбросано на земле.

Возвратясь с огневых позиций на НП командира 2/154 ГАП и начальника артиллерии, я их на месте не застал. Они отошли в неизвестном направлении. Мне же пришлось, уже в темноте, двигаться в направлении села Бородино по лесистой местности. У стога сена неподалеку от музея нашел

своих управленцев, погрузив своих раненых и пехотинцев на каким-то чудом попавшуюся автомашину, начал продвигаться к селу.

По пути следования ко мне примкнуло довольно большое количество бойцов и несколько офицеров из других подразделений дивизии и мы форсировали речушку перед селом. Произведя разведку, вошли в село Бородино. Машину и раненых мы переправить не смогли и замаскировали их в кустарнике, оставили им продуктов, захваченных мною на кухне на ОП (консервы и сахар) и с ними санинструктор батареи.

От одного пожилого крестьянина, у которого мы остановились отдохнуть, я узнал, что в 5-ти километрах от села находятся артиллерийские позиции советских войск. Я попросил этого крестьянина переправить раненых в село, он мне это обещал сделать.

На рассвете мы вышли из села Бородино и за несколько часов догнали части 32 КСД. Найдя штаб дивизии я доложил обстановку и получил распоряжение начальника артиллерии 32 КСД майора (не помню фамилию) взять трактористов (часть моих людей уже были здесь, в том числе и трактористы) и нужных других солдат, пойти в район боев на Бородинское поле для вывода тракторов. Они были целы, как я уже указал выше, но не имели горючего.

Мне сказали, что горючее подвезут к противотанковому рву, где имеется не заминированный проход.

Я с трактористами и другими бойцами ушел в тыл врага в ночь 18-Х-41 г. в район НП и ОП опять через село Бородино. Зашел в музей, там было много раненых солдат 32 КСД. Спрашивал у них, заходили ли немцы в музей, они говорили, что были в музее, но раненых не тронули.

Прибыл на место наблюдательного пункта, в это время немцы освещали ракетами поле боя, буксировали подбитые нашей батареей танки и убирали трупы убитых.

Маскируясь за кустами, мы пробрались в район ОП, нашли тракторы и

спрятанные магнето, смонтировали их. Я выслал связных в указанное место у противотанкового рва для встречи горючего. До рассвета не дождался горючего и вынужден вернуться обратно без тракторов.

Возвращался опять через село Бородино. По пути следования к месту откуда я ушел за тракторами, нас обстреляли немецкие самолеты, но все обошлось благополучно.

Прибыли на то место откуда ушли в тыл врага, мы не нашли штаба дивизии и догнали его с другими частями далеко от того места.

По возвращении доложил начальнику артиллерии о том, что мне не подвезли обещанного горючего. Он мне сказал, что дивизия получила по радио приказ организовать прорыв из окружения, и поэтому не направили нам горючего.

Поскольку матчасть моей батареи была разбита в бою на Бородинском поле, то людской состав был зачислен в 133 ЛАП для укомплектования батарей. Я же получил назначение на должность зам. к-ра дивизиона 133 ЛАП, которым командовал ст. лейтенант Гольдфарб, заменивший подорвавшегося на mine командира дивизиона.

Этому дивизиону и батальону капитана Нестеренко была поставлена задача, организовать отвлекающий прорыв через шоссе Можайск-Клеменьтьево и в случае удачного исхода боя выходить из окружения. Дивизия (штаб дивизии, тылы и другие подразделения) основной прорыв должна была прорвать правее нас километрах в 8 – 10.

Накануне основного прорыва, под вечер наш батальон и дивизион нанесли удар по курсирующим по указанному шоссе танкам и мотопехоте немцев. В результате этого немцы стянули в наш район танки и мотопехоту. Бой шел всю ночь.

Дивизия, как помню, на рассвете следующего дня ударила всеми огневыми средствами в своем районе прорыва. Кроме того была вызвана наша авиация, которая пробомбила скопления противника

и дивизия пробила брешь и шла в прорыв почти весь день. Нам же не удалось прорвать окружение в своем районе, и командование батальона и дивизиона решили пойти в прорыв сделанный основными силами дивизии. Однако, когда мы подошли к месту прорыва, то немцы успели уже стянуть сюда танки и мотопехоту и замкнуть прорыв.

Василий Кузьмич, извините за длинный рассказ. Но я хочу пояснить Вам почему я не оказался в частях 32 КСД и 154 ГАП, которым Вы командовали.

На Бородинском поле в районе кургана батареи Раевского 5 батарея 2/154 ГАП, как остальные батареи (4 и 6) входили в группу ПП 322 СП и связи я с Вами не имел. Все распоряжения и приказы я получал от командования 2/154 ГАП или непосредственно от штаба артиллерии дивизии, так как мой НП был метрах в 300-х от НП к-ра дивизиона.

После неудавшегося выхода из окружения вместе с дивизией, командир батальона капитан Нестеренко и командир дивизиона лейтенант Гольдфарб решили выходить из окружения по лесам в направлении Звенигородского района. Мне было поручено с двумя разведчиками вести разведку по выбранному маршруту впереди на 5 км и сообщать обстановку.

Не помню точно, сколько мы двигались дней, три или четыре, как утром на наш отряд напали немцы. Я в это время находился впереди от отряда километрах в пяти. Услышав бой в районе бивуака отряда, решил выяснить обстановку. Но когда я пришел туда, то никого там не нашел, кроме одного убитого бойца на повозке и разбитую технику.

У встречных солдат расспрашивал, где батальон, они отвечали, что командир батальона дал распоряжение выходить из окружения поротно, а ротные командиры — повзводно и т.д. В общем, солдаты шли мелкими группами по 3 – 4 человека.

Мне пришлось из отдельных солдат и местного населения организовать партизанский отряд.

В начале отряд насчитывал 24 человека, затем быстро пополнялся окруженцами и к периоду выхода из окружения в отряде было 137 бойцов. Отряд состоял из 3 взводов по 40 человек и 17 человек штаб и разведгруппа.

Партизанским отрядом, которым я командовал, было произведено ряд нападений на немцев и диверсий. В одной из операций отрядом был уничтожен обоз с боеприпасами и продовольствием и убито 7 фашистов. Кроме этого уничтожен склад боеприпасов и подорван танк находившийся на ремонте в одном из отделений совхоза и ряд других активных действий в тылу врага.

Пытался связаться с действующим в этой местности партизанским отрядом, Можайского района, но безрезультатно.

17 января 1941 года, наш отряд с боями вышел из окружения к нашим войскам перешедшим в наступление из под Москвы. Со своим отрядом я лично помогал командиру наступающего батальона взять опорный пункт немцев и выполнить поставленную ему задачу (я хорошо знал эту местность).

Затем сдал этому батальону оружие: 1 станковый пулемет, 21 автомат, в том числе 7 немецких, сдал личный свой пистолет "ТТ", полученный еще в Раздольном, 114 винтовок и много патронов. Командир батальона особенно благодарил нас за пулеметные ленты, их было у нас много и за лыжи.

Командир батальона дал мне письмо явиться в политотдел дивизии, в котором указал о получении от нас оружия и оказания ему помощи.

Начальник политотдела дал мне задание вести окруженцев, в том числе и моих бойцов отряда в Москву на Стромынку 32. Выдали нам на всех 500 человек питательные талоны и распоряжение отправлять наших людей в Москву любой машиной, идущей в тыл.

Таким образом, попутным транспортом всех отправил в назначенное место и затем прибыл сам.

На следующий день мне поручили сопровождать ж.д. эшелон с окруженцами и сдать их в спец. лагерь ст. Рада близ Тамбова.

После спец. проверки моей деятельности в тылу врага я получил задание от командования лагеря доставить пешим ходом, группу бойцов в количестве 60 человек, прошедших проверку в г. Тамбов на пересыльный пункт. Мне же был дан пакет на имя военкома г. Тамбова. В военкомате мне выдали зарплату и направление в распоряжение начальника артиллерии Приволжского В.О. в г. Саратов.

Начартом ПРИВО [Приволжский военный округ] назначен начальником штаба дивизиона 1100 ПАПРГК [полк артиллерии при резерве главного командования] (122 мм пушки) и 25 марта 1942 года убыл на место формирования полка в д. Селикса Пензенской области. 16 сентября 1942 г. в составе 1100 ПАПРГК, в должности Н.Ш. дивизиона прибыл ж.д. транспортом на ст. Котлубань, а затем маршем под Сталинград.

После окружения Сталинградской группировки немцев наш 1100 ПАПРГК двинулся преследовать вместе с пехотой немцев в направлении г. Батайск. Недалеко от ст. Ольчинская нам изменили направление на Старый-Черкасск. Мы форсировали р. Дон по льду у Арпачина. Взяли Ново-Черкасск и двинулись на Краснодар.

Прорвав оборону немцев на р. Миусе, мы преследовали его до г. Мелитополя, где он немного задержался на р. Молочной. Сокрушив оборону немцев на р. Молочной дошли до Перекопа в Крыму. Здесь вели бои до весны 1943 года. Весной 1943 г. освобождали Крым и вели бои за освобождение Севастополя. За этот период наш 1100 ПАПРГК входил в Донской, Сталинградский, Южный и 4-й Украинский фронты.

Затем нас ж.д. эшелоном перебросили под г. Оршу в Белоруссию. Участвовал в боях при форсировании р. Березены при освобождении г. Борисова, вели бои под Минском, затем освобождали Литву и громили немцев в Пруссии, сокрушали группировку немцев в Кенигсберге.

Из под Кенигсберга своим ходом прибыли в район Земляндской группировки немцев в Прибалтике, где и застал нас мир.

Вскоре после войны нашу артбригаду расформировали и меня начарт Приб. В.О. направил в августе 1945 г. в Литовскую дивизию на должность зам. нач. штаба артиллерии 278 артбригады 16 Лит[овской] СД. В августе 1946 г. дивизия была расформирована в бригаду, и меня уволили в запас.

После демобилизации работал в Аникиряйском уездном комитете ДОСАРМ [Добровольное общество содействия армии] председателем, затем заведующим парткабинетом УКОМА КП [Уездного комитета Коммунистической партии] Литвы, заведующим отдела пропаганды и агитации Ширвинтского РК КП КП [Районного комитета Коммунистической партии] Литвы., Главным инженером республиканской конторы материально-технического снабжения министерства мясомолочной промышленности Лит. ССР., зав. мобилизационным отделом Управления материально-технического снабжения Совнархоза Лит. ССР. После ликвидации Совнархозов переведен в Главное управление материально-технического снабжения при Совете министров лит. ССР на должность ст. инженера инспекции по проверке использования материальных ресурсов предприятиями республики и Калининградской области. С этой должности ушел на пенсию.

Демобилизовался я в звании: Гв. майора без пенсии — не было выслуги лет.

Дорогой Василий Кузьмич, еще раз большое Вам спасибо. Вы не представляете, как я рад Вашему письму и как мне хочется встретиться с Вами и другими, однополчанам. Хотелось бы побывать на Бородинском поле и в историческом музее.

Дорогой Василий Кузьмич если будет намечаться встреча ветеранов 32 КСД, прошу Вас сообщить мне, я обязательно приеду.

Теперь в отношении фотокарточек. В звании старшего лейтенанта я не имею. Имею в звании "лейтенант" размером 4 x 5 см, которую Вам высылаю.

Живу, как Вы уже знаете в г. Вильнюс. Семья моя: жена и дочь. Здоровье – пока особых жалоб на недуги нет.

Насчет приглашения приехать к Вам в гости — этот вопрос мы, я думаю, еще обсудим. Если будут собираться на встречу ветераны, тогда будем решать этот вопрос. В свою очередь приглашаю Вас к себе в гости в гор. Вильнюс – столицу Литовской ССР. Если у Вас будет желание, то это лучше сделать летом. Тогда можно будет съездить на знаменитый Литовский курорт Палангу.

Дорогой Василий Кузьмич, если Вас не затруднит, то напишите, кто из офицеров и рядовых Дальневосточников в живых и особенно из 2/154 ГАП?

Вот пожалуй вкратце я все изложил о себе с 1941 года по настоящий день.

До свидания дорогой Василий Кузьмич, еще раз за заботу об однополчанах. До встречи. Ваш бывший командир 5 батареи 2/154 ГАП 32 КСД А.С. Головачев .

21-Х-1977. г. Вильнюс.

Комментарии.

---

¹ Письмо адресовано бывшему командиру 154 ГАП В.К.Чевгусу.

² По штатному расписанию 2-й дивизион 154 ГАП состоял из трех батарей (4-я, 5-я и 6-я батарея) четырех оружейного состава. 4-я и 5-я батарея была вооружена 152 мм гаубицами, 6-я батарея — 76 мм пушками.

³ См. Журнал боевых действий 32 СД от 13 октября 1941 г.

⁴ К этому времени основные силы дивизии СС Рейх втянулись в бой на участке между Можайским и Минским шоссе.